

І. Процессъ разыскиванія политическихъ преступниковъ.

Дѣятельность революціонера прекращается вслѣдствіе враждебной ему дѣятельности правительства, органами котораго являются въ этомъ случаѣ Д. П. и Корпусъ Жанд. Поэтому продолжительность этого періода опредѣляется двумя факторами: тактикой Д. П. и Корп. Жанд., съ одной стороны, и тактикой революціонера, съ другой. Надо изучить ту и другую.

Дѣятельность Д. П. и К. Ж. состоитъ, какъ цѣпь изъ звеньевъ, изъ отдѣльных процессовъ. Она становится для насъ замѣтной съ момента ареста группы лицъ и кажется законченной съ объявленіемъ приговора; но, конечно, она начинается (по отношенію къ данной группѣ лицъ) гораздо ранѣе и кончается позже.

Намъ представляется, что одинъ процессъ не связанъ съ другимъ, что звенья лежатъ отдѣльно, но это только потому, что связь между ними недоступна нашему наблюденію. Чтобы обнаружить ее, надо подробнѣе изучить отдѣльный процессъ, отдѣльное звено, и притомъ не только видимую его часть, но и невидимую. Такъ какъ для этого придется порвать въ какомъ-нибудь мѣстѣ цѣпь, то надо принять, что въ каждый данный моментъ въ Д. П. или Ж. Упр. имѣются свѣдѣнія о томъ, что такія-то лица—А, В, С—являются неблагонадежными. Откуда эти свѣдѣнія—выяснится послѣ. Назову группу этихъ лицъ: К., а совокупность свѣдѣній, имѣющихся о нихъ въ этотъ моментъ (задолго до арестовъ), предварительными.

Допустимъ, Д. П. поручаетъ сыщикамъ слѣдить за этими лицами. Если кто-нибудь удачно скрываетъ свои слѣды отъ сыщика (шпіонъ часто теряетъ его изъ виду), то къ нему назначается сыщикъ болѣе опытный, а иногда два и даже 4 *). Сыщики доносятъ Д. П. въ слѣдующей формѣ: „Такого-то числа А вышелъ изъ дому въ 10 ч. утра и направился по Лит. просп.,

*) Меня увѣрили, что за Распутинимъ (взятъ въ Москвѣ съ 4 на 5 мая 95 г. какъ террористъ) слѣдили 16 сыщиковъ.

вошелъ въ домъ № 5-й“. Здѣсь Д. П. вставляетъ: „гдѣ проживаетъ такой-то, напр. В, имя лица, которое имѣютъ основаніе подозрѣвать въ сошеніяхъ съ А. Если же никто въ домъ не заподозрѣнъ, то сыщикъ старается замѣтить (если посѣщенія повторяются), въ какую именно квартиру ходитъ А. Въ крайнемъ случаѣ, особенно если шпионъ прослѣдилъ А въ этотъ домъ только одинъ разъ, начинаютъ слѣдить за всѣми живущими въ этомъ домѣ, чтобы убѣдиться, кто изъ нихъ поддерживаетъ сношенія съ А. Такъ намѣчается лицо Д. Далѣе шпионъ доноситъ, наприм., такъ: „Въ этомъ домѣ А пробылъ около получаса и вышелъ со сверткомъ вершковъ 6 въ длину и 3-хъ въ ширину, направился на Васил. Остр., гдѣ вошелъ въ домъ № 90-ый, по шестой линіи“. Д. П. опять вставляетъ: „гдѣ проживаетъ такой-то, напр., С.“ Донесеніе сыщика нерѣдко оканчивается такъ: „Въ 6 час. А. пошелъ на набережную Обводнаго Канала, гдѣ былъ оставленъ“. Это значитъ, что А успѣлъ скрыть свои слѣды. Можетъ случиться, что другой сыщикъ, слѣдящій, напр., за Д, донесетъ, что и Д посѣщалъ В или С. Такижъ образомъ среди миллионнаго населенія столицы, кромѣ группы К, обращаютъ на себя вниманіе Д. П. лица,—Д, С и т. д., назову группу этихъ лицъ Л.

Д. П. приказываетъ слѣдить за тѣми лицами группы Л, которые по своему возрасту, общественному положенію слишкомъ частымъ сношеніямъ съ лицами группы К возбуждаютъ подозрѣнія.

Послѣ слѣжки подозрѣніе противъ однихъ усиливается, противъ другихъ ослабѣваетъ. Такъ намѣчается новая группа, назовемъ ее М, состоящая изъ части лицъ группы К и изъ части лицъ группы Л. Въ зависимости отъ характера предварительныхъ свѣдѣній Д. П. можетъ предположить съ большей или меньшей вѣроятностью, что именно группа М. ведетъ ту революціонную дѣятельность, которая проявляется въ стачкахъ, появляющихся отъ времени до времени прокламаціяхъ или нелегальныхъ книжкахъ или просто выполняетъ ту подготовительную организационную работу, о которой въ обществѣ, по донесенію шпионовъ, идутъ толки (какъ это было въ дѣлѣ народоуправцевъ, арест. 19 апр. 1894 г.). Назову

сумму свѣдѣній, доставленныхъ шпионами, дополнительными. На основаніи свѣдѣній предварительныхъ и дополнительныхъ Д. II. поручаетъ Жандарм. Управл. сдѣлать въ одну ночь обыски и аресты лицъ группы М. и произвести дознаніе. Обыкновенно при этомъ захватываютъ вещественныя доказательства революц. дѣятельности, напр. типогр. станокъ, шрифтъ, нелегальныя книги и проч. Кромѣ того могутъ быть найдены записанные или зашифрованные адреса, фамилія и замѣтка; потомъ начинаются допросы, изъ которыхъ получаются новыя свѣдѣнія. На основаніи совокупности всѣхъ данныхъ, Д. II. заключаетъ, что нѣкоторые лица группы М. ни къ чему непричастны и взяты по недоразумѣнію; ихъ освобождаютъ. Съ другой стороны, обнаруживается, что лица F, G и т. д., группа лицъ N, хотя и не могутъ быть привлечены къ данному процессу, но возбуждаютъ подозрѣніе или близкимъ знакомствомъ съ лицами группы М., или оказываніемъ имъ различныхъ мелкихъ услугъ (распространеніе лотерейн. билетовъ, временное храненіе или даже чтеніе книгъ, передача писемъ, предоставленіе своей квартиры и пр.). Эта группа вмѣстѣ съ лицами, причастными къ прошлымъ процессамъ или уже отбывшими свое наказаніе, будетъ играть въ слѣдующемъ процессѣ такую же роль, какъ группа К въ данномъ процессѣ. Сумма свѣдѣній о лицахъ группы N будетъ аналогична предварительнымъ свѣдѣніямъ о группѣ К. Впрочемъ, на основаніи свѣдѣній, полученныхъ послѣ арестовъ, могутъ быть привлечены къ дѣлу и понести наказаніе и новыя лица группы О. Такимъ образомъ часть группы К плюсъ группа О составляютъ новую группу Р, которая уже окончательно обвиняется въ томъ или иномъ преступленіи.

Слѣдствіе окончено, дѣло передается въ Министерство Юстиціи. Тамъ его разсматриваетъ особая комиссія, въ которой теперь, между прочихъ, состоятъ Поскочинъ (товарищъ оберъ-прокурора Сената), Стремуховъ, Котляревскій и др. (консультанція при М. Ю.). Эта комиссія опредѣляетъ наказанія, которыя, по ея мнѣнію, должны понести обвиняемые, и потомъ, согласно закону, должна бы была передать дѣло на разсмотрѣніе Судебной Палаты или Сената. Но по отношенію къ со-

ціалістамъ у насъ „законъ не писанъ“, и комиссія передаєть дѣло въ Мин. Внутр. Дѣлъ; тамъ составляється новая комиссія, въ которой участвуетъ, между прочимъ, Директоръ Департамента Полиціи. Рѣшеніе этой комиссіи гласить приблизительно такъ: „Преступленіе совершенно противъ государства. Департ. Полиціи, какъ представитель его интересовъ, ничего не имѣетъ противъ того, чтобы судебное преслѣдованіе этихъ лицъ было прекращено, если только на нихъ будетъ наложено административнымъ порядкомъ такое-то наказаніе“. Тогда М. Ю. докладываетъ царю, что правосудіе было бы удовлетворено, если бы желаніе Д. П. было исполнено, и испрашиваетъ разрѣшеніе прекратить судебное преслѣдованіе и окончить дѣло административнымъ порядкомъ. Иногда между М. Ю. и М. В. Д. случается конфликтъ, тогда онъ улаживается путемъ компромисса. Царь, кажется, обыкновенно подписываетъ приговоръ, явившійся результатомъ соглашенія министерствъ. Группа К отправляется въ ссылку или въ тюрьмы и процессъ оконченъ.

Нужно выяснитъ, одинаково-ли важны свѣдѣнія, получаемыя различными способами.

II. Источники, изъ которыхъ правительство узнаетъ о дѣятельности своихъ враговъ.

а) О группѣ предварительныхъ свѣдѣній нечего сказать въ отдѣльности.

б) Существуетъ мнѣніе, что невозможно скрыть свои слѣды отъ шпіоновъ, разъ они зададутся цѣлью выслѣдить кого-нибудь во что бы то ни стало. Часто ссылаются на примѣры, поскольку были опубликованы свѣдѣнія о политическихъ дѣятеляхъ въ прежнихъ процессахъ. Напр., было описано, какъ тщательно скрывался Тригони и, однако, будто бы былъ извѣстенъ каждый его шагъ*). На дѣлѣ виртуозные шпіоны рѣдки и въ частности невѣрно, будто бы Тригони былъ хорошо выслѣженъ. Необходимо описать приемы, къ которымъ прибѣгаютъ сыщики,

*) См., напр., газету „Порядокъ“ 83 г.

и приемы, при помощи которых отъ нихъ можно скрываться. Теперь каждому приходится открывать Америку и даже самые простые приемы часто остаются неизвѣстными, а между тѣмъ они очень цѣнны. Да и самыя сношенія съ товарищами надо вести съ предосторожностями, которыя далеко не всегда соблюдаются. Для Д. П. и К. Ж., конечно, въ высшей степени важно намѣтить среди миллионовъ людей именно нужныхъ лицъ. Однако, жандармы, арестуя данную группу, далеко еще не убѣждены, что арестовали лицъ дѣйствительно причастныхъ къ политическому преступленію, и если не окажется иныхъ данныхъ для подтвержденія ихъ виновности, то нельзя осудить людей только за знакомство съ лицами преступными (если не считать исключительныхъ случаевъ). Поэтому свѣдѣнія дополнительныя *сами по себѣ* еще не очень для насъ опасны, хотя *при теперешней* нашей манерѣ держаться на допросахъ они и оказываются въ большинствѣ случаевъ роковыми.

с) Если при обыскѣ взяты вещественныя доказательства преступности, то едва-ли возможно выгородить себя, не рассказавъ, откуда все это получено. Но самый фактъ нахожденія, напр., нелегальныхъ книгъ еще не выясняетъ, хранитъ-ли ихъ хозяинъ квартиры, желая только оказать личную услугу своимъ друзьямъ, или въ качествѣ сознательнаго революціоннаго дѣятеля, а это два преступенія далеко не одинаковыя. Кромѣ того здѣсь отвѣчаетъ только хозяинъ квартиры, а такъ какъ вещественныя доказательства находятся при обыскахъ только у меньшинства, то при всей своей важности для судьбы лица, у котораго они взяты, они сами по себѣ не вырываютъ изъ нашей среды многочисленныхъ жертвъ. Не по этой причинѣ такъ сильно рѣдѣютъ наши ряды*).

d) Всѣмъ извѣстно правило, что нельзя держать у себя записей, но потребность записать такъ велика, что съ ней необходимо считаться. Къ несчастью, мы совсѣмъ не знакомы съ раціональными приемами шифровки. Жандармамъ слишкомъ

*) Намъ извѣстенъ фактъ, когда одинъ рабочій былъ взятъ въ нелегальной типографіи въ качествѣ наборщика, но не понесъ никакого наказанія. И дѣйствительно, оказалось, что онъ просто былъ нанятъ владѣльцей типографіи и не знаетъ, что типографія тайная.

часто удается разобрать шифръ, между тѣмъ, если бы имъ умѣло пользоваться, то не только адреса и короткія записки, но даже цѣлыя письма не были бы разобраны.

Какъ скрывать свои слѣды отъ шпионовъ? Какъ хранить вещи, свидѣтельствующія о преступной дѣятельности, чтобы въ случаѣ ареста они причинили наименьшій вредъ? Какъ зашифровать записки? Вотъ наши проклятые вопросы конспираціи!

Если бы члены революціонныхъ организацій, ссылаемые и дѣйствующіе, дѣлились въ печати своимъ опытомъ, то у насъ была бы теперь цѣлая литература по этимъ вопросамъ; намъ не приходило бы дѣйствовать „кто въ лѣсъ, кто по дрова“, каждому на свой личный рискъ и страхъ.

Неумѣнье скрывать свои слѣды отъ сыщиковъ приноситъ намъ огромный вредъ: только благодаря ему, Д. П. удается хоть приблизительно намѣтить вредныхъ ему лицъ. Еще несравненно болѣе пагубнымъ для насъ являются записки адресовъ, списки фамилій и проч. Наше неумѣнье скрываться отъ шпионовъ и неумѣнье шифровать записки—два разрушительныхъ оружія въ рукахъ нашихъ враговъ. Было бы преступно умалить хоть сколько-нибудь ихъ колоссальное значеніе. Известно напр., какія роковыя послѣдствія имѣли найденные у Лопатина списки адресовъ для судьбы его группы и всего тогдашняго движенія*); тѣмъ не менѣе, я думаю, что и это является пустякомъ по сравненію съ другимъ ужаснымъ орудіемъ, которое мы сами даемъ въ руки жандармамъ! Мнѣніе мое можетъ показаться парадоксальнымъ, но я именно его хочу защищать:

Мы сами выдаемъ себя на допросахъ!

е) Большинство арестуемыхъ несомнѣнно люди честные; они стараются выгородить какъ можно больше лицъ, хотя бы и ухудшая тѣмъ свое собственное положеніе. А между тѣмъ, именно выгораживая другихъ, они наносятъ нашему дѣлу ужасный вредъ. Доказать это—является цѣлю настоящей брошюры.

*) См. біографію Лопатина, изд. въ Парижѣ.

III. Важны-ли правительству наши показанія?

Часто говорятъ, что насъ ссылаютъ безъ суда. Это совершенно вѣрное положеніе можетъ быть, однако, ложно истолковано.

Если обвиняемому не сообщаютъ, въ чемъ именно его подозреваютъ; если попросить: „виновенъ или не виновенъ“ рѣшается людьми, которые даже не видятъ обвиняемаго; если обвиняемый лишенъ возможности посоветоваться съ адвокатомъ и требовать доказательства своей виновности,—onus probandi (бремя доказательства) лежитъ не на обвинителѣ, а на обвиняемомъ;—если нѣтъ опредѣленнаго соотвѣтствія между преступленіемъ и наказаніемъ и кара возлагается въ зависимости отъ того, въ какой степени данное лицо кажется опаснымъ по своимъ личнымъ качествамъ, а не пропорціонально важности преступленія,—то здѣсь нѣтъ суда, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ это слово всѣ кодексы Европы; здѣсь есть только административный произволъ.

Однако, для правительства важно открыть дѣйствительно опасныхъ лицъ: между тѣмъ оно не можетъ въ этомъ довѣрять не только показаніямъ шпионовъ, но и жандармскимъ полковникамъ. Шпионы часто врутъ—или изъ желанія услужиться, или по ошибкѣ. Въ процессахъ 80-хъ годовъ часто случалось, что нѣсколько шпионовъ давали показанія, одно другое уничтожающія, на чемъ ихъ и ловили обвиняемые. Если это извѣстно намъ, то тѣмъ болѣе извѣстно Д. П. Несомнѣнно, что такія противорѣчія бывають и теперь, только мы о нихъ уже не можемъ узнавать. Другое дѣло ошибки шпионовъ. Ихъ можно замѣтить и теперь рѣшительно при каждомъ слѣдствіи. Вотъ характерный примѣръ. Сыщикъ прослѣдилъ, какъ изъ квартиры лица, къ которому онъ былъ приставленъ, какая-то неизвѣстная ему барышня высокаго роста въ бѣлой кофточкѣ вынесла ящикъ и сѣла на извозчика. Шпионъ поѣхалъ за нею. Барышня поѣхала къ д. № 16/39 по второй линіи Вас. Остр., расхаживаетъ по двору, а

комъ и вошла во дворъ. Шпіонъ остался ждать ее у воротъ; не дождавшись, онъ заключилъ, что она живетъ въ этомъ домѣ. Онъ списалъ ея наружность дворнику и спросилъ, кто она такая; дворникъ заявилъ, что такая барышня действительно живетъ въ этомъ домѣ, что она сумателъница Бест. курсовъ Н. Н., снимаетъ комнату вмѣстѣ съ курсисткой М. М. Въ эту же ночь Д. П. распорядился произвести обыскъ и арестовать ихъ обѣихъ. Однако, ящика не нашли. На допросахъ Н. Н. показала, что она была больна и вотъ уже нѣсколько дней не выходила изъ дому, а потому и не могла принести ящикъ, такъ интересовавшій жандармовъ. Вѣроятно, сыщику былъ сдѣланъ нагоняй, т. к. онъ явился послѣ съ упрекомъ къ дворнику и спрашивалъ, кто же могла быть эта барышня, если не Н. Н. „А кто же ее знаетъ!“ отвѣтилъ дворникъ, „мало-ли народу ходитъ, вѣдь напѣ дворъ проходной!“ — „Что же ты мнѣ этого не сказалъ тогда?“ раздражился шпіонъ и добавилъ съ досадою: „А я-то ее цѣлый день у воротъ ждалъ!“

И могъ бы привести такихъ прижѣровъ довольно много. У жандармовъ ихъ, разумѣется, гораздо больше, и потому невозможно придавать показанію шпіона большое значеніе. И жандармы, по крайней мѣрѣ, не официально всегда сами признавали, что шпіонамъ нельзя вполнѣ довѣрять *). Этому есть еще и другія причины. Жандармскій полковникъ, ведущій слѣдствіе, конечно, заинтересованъ въ томъ, чтобы представить дѣло какъ крамолу, опасную для государства, которую удалось раскрыть, благодаря талантамъ слѣдователя. Шпіонство легко ведетъ къ провокаторству. Въ этомъ отношеніи очень интересна исторія съ Судейкинымъ. Будучи начальникомъ III-го отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, Судейкинъ самъ черезъ посредство Дегаева старался насаждать террористическіе кружки и оберегать ихъ отъ разгромовъ. Онъ хотѣлъ, чтобы тогдашній министръ Вн. Д. гр. Толстой былъ убитъ. Тогда бы Судейкинъ сразу отрылъ огромный заговоръ и,

*) Это заявлено даже въ официальному изданіи слѣдственной комиссіи по дѣлу декабристовъ.

конечно, былъ бы назначенъ на вакантное мѣсто министра. Не мало такихъ примѣровъ можно бы было привести и изъ заграничной жизни: дѣятельность Бисмарка, среди швейцарскихъ анархистовъ; подвиги провокатора Мрны (Австрія); дѣло Тауша (Германія), Баццани (Италія) и пр. *).

Исторія Судейкина и ей подобныя должны были, конечно, научить русское правительство держать ухо востро и по отношенію къ жардармскимъ полковникамъ. Недаромъ требуются, чтобы мы писали всѣ свои показанія собственной рукой, а если арестованный неграмотенъ, то его показанія должны быть подписаны понятыми. Но сыщики, конечно, склонны нѣтъ въ униссонъ съ тѣми, отъ кого зависить, получать или не получать имъ свои 30 сребренниковъ, а потому показанія ихъ теряютъ послѣднюю цѣну. Такимъ образомъ Департ. Полиціи вынужденъ подыскивать болѣе надежныхъ подтвержденій виновности или даже знакомства даннаго лица. И дѣйствительно, насколько я могъ убѣдиться изъ разспросовъ, на слѣдствіи всегда особенно тщательно стараются добиться подтвержденія показаній сыщиковъ кѣмъ-либо изъ привлеченныхъ. Это дѣлается не изъ уваженія къ требованіямъ законности, которая попирается на каждомъ шагѣ, а по необходимости: если Д. П. знаетъ, что 60% причастныхъ къ дѣлу лицъ примутъ участіе въ революціонномъ движеніи вторично, то онъ также

*) Во время поѣздки германскаго императора Вильгельма въ Палестину, Баццани объявлялъ Египетской полиціи, будто въ домѣ нѣкоего Парина итальянскіе анархисты изготовили двѣ бомбы для отправки въ Палестину черезъ посредство кельнера Соусона. У П. были произведены обыскъ, причемъ найденъ подозрительный ящикъ. П. объявилъ, что въ немъ находится коньякъ и въ доказательство самъ предложилъ разбить ящикъ молоткомъ; этого, ему, однако не позволили, а при вскрытіи ящика въ полиціи въ немъ оказались двѣ бомбы. П. и его товарищъ были арестованы, я В. сталъ немедленно требовать себѣ награды. Настойчивость его требованій возбудила подозрѣніе, а потому раскрыто было, что бомбы изготовлены однимъ слесаремъ-арабомъ по заказу самаго В. и что по его же распоряженію они были доставлены П. въ ящикъ подъ пиджакъ коньяка. Вслѣдствіе этого В. былъ выданъ итальянскому правительству для суда, а арестованные анархисты преданы итальянскому суду въ Александрію только по обвиненію въ распространеніи анархистскихъ изданій, такъ какъ это слѣдствіемъ подтвердилось.

отлично знаетъ, что опредѣленный, очень немаленькій процентъ лицъ привлекается совершенно безъ всякихъ данныхъ, просто на удачу. Ни въ одной странѣ не арестуютъ съ такою безцеремонностью, какъ въ Россіи.

Данныя, полученные на допросахъ, передаются на разсмотрѣніе двухъ комиссій (Мин. Юст. и Мин. Внутр. Дѣл.), и правительство заинтересовано въ томъ, чтобы эти комиссіи имѣли болѣе надежныя данныя, чтобы дѣйствию произвола не подверглись лица ни въ чемъ неповинныя и для него совершенно безвредныя, и мы должны сознаться, что грубыя ошибки въ этомъ отношеніи бывають сравнительно рѣдко. Рѣдко ссылають людей абсолютно ни къ чему непричастныхъ. Рѣдко людей маловажныхъ караютъ строго. Кромѣ того для правительства особенно цѣнно составить опредѣленную характеристику привлеченнаго. Это гораздо важнѣе, чѣмъ убѣдиться въ виновности или невиновности его въ данномъ преступленіи. Если кто хотя и мало совершилъ „преступленій“ своими личными силами, но представляется талантливымъ, энергичнымъ, способнымъ организовать другихъ, то, конечно, его не постѣсняются наказать какъ тяжкаго преступника. Наоборотъ, если кто и будетъ уличенъ въ совершеніи болѣе или менѣе крупныхъ „преступленій“, но покажется личностью мелкою, дѣствовавшей подъ вліяніемъ другихъ или вообще неспособною послѣ острастки приняться снова за дѣло, то ему придется недорого платить за свои грѣхи. Но характеристику нельзя составить по даннымъ, собраннымъ шпионами.

Итакъ, хотя насъ ссылають безъ суда, но Деп. Полиціи заинтересованъ въ томъ, чтобы въ большинствѣ случаевъ преступность ссылаемаго была подтверждена болѣе достоверными данными, чѣмъ показанія шпионовъ и догадки. Даже фактическое знакомство двухъ лицъ, установленное шпионами, онъ старается подтвердить показаніями обвиняемыхъ, но въ большей части случаевъ самый фактъ знакомства еще ничего не гоовритъ, хотя часто и является очень подозрительнымъ (напримѣръ, знакомство студента съ рабочими). Для подтвержденія же большинства обвиненій, и притомъ самыхъ важныхъ, жандармамъ надо добиться свидѣтельства привлеченныхъ къ